

Ч. Гальперин

«ПОДЛИННИК? ПОДДЕЛКА? ОПЯТЬ ПОДДЕЛКА!»:
ЭДВАРД КИНАН, ЙОЗЕФ ДОБРОВСКИЙ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»*

Когда Эдвард Кинан в 1971 г. опубликовал свою монографию, в которой доказывал подложность переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским и называл ее «апокрифом» XVII века¹, он никоим образом не намекал на делящийся долгое время спор о подлинности эпической поэмы XII века «Слово о полку Игореве», самого спорного текста в древнерусской литературе. В это время Кинан еще не входил в число «скептиков», стремившихся развенчать аутентичность «Слова»². Однако спустя 30 лет ученый обратил свое внимание на это произведение³ и опубликовал монографию, на страницах которой он ставит под сомнение подлинность данного текста.

* Расширенный перевод статьи Ч. Гальперина, опубликованной: *Halperin Ch.* «Authentic? Not authentic? Not authentic, again!» Edward L. Keenan, Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale (JGO. 2006. Bd. 54. S. 556–571) выполнен А. И. Филюшкиным. Редакция выражает благодарность профессору Чарльзу Гальперину и редакции "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas" за разрешение на публикацию перевода статьи и предоставление ее рукописного варианта для перевода.

¹ *Keenan E.* The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Origin of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. With an appendix by Daniel C. Waugh. Cambridge, MA, 1971.

² *Keenan E.* Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Cambridge, MA, 2003. P. xxii. — Хотя Кинан и ссылается на свой «давний, но неагрессивный скептицизм» в этом вопросе (Ibid. P. xx).

³ Взгляды Кинана на «Слово» впервые стали известны из его выступлений в 1996 году, и получили более широкую аудиторию после публикаций: *Keenan E.* 1) Was Iaroslav of Halych Really Shooting Sultans in 1185? // *Harvard Ukrainian Studies.* 1998. Vol. 22. P. 313–327; 2) *Turkic Lexical Elements in the Igor Tale and the Zadošćina* // *SEER.* 2002. Vol. 80. Nr. 3. P. 479–482. — Ответом на эти работы была статья: *Poppe N.* A Further Note on the Turkic Lexical Elements in the Slovo o polku Iгореve and the Zadošćina // *SEER.* 2004. Vol. 82. Nr. 1. P. 74–78.

Сегодня ученые спорят о книге Кинана. Ей были посвящены два круглых стола в США (предварявший выход книги Кинана⁴ и состоявшийся после ее появления⁵), аналогичная полемика и публикации по ее итогам были также в Европе⁶ и России⁷. Увидели свет рецензии на книгу Кинана Роберта Манна⁸ и Иринеуш Шарыш⁹. Ольга Страхова опубликовала две статьи на тему споров о подлинности «Слова»¹⁰, Андрей Даниленко¹¹ и Симон Франклин¹² — статьи-рецензии, и Андрей Зализняк посвятил гипотезе Кинана специальную главу в своей монографии о «Слове»¹³. Норманн Ингам — инициатор обсуждения в США гипотезы Кинана, которой был посвящен круглый стол Американской ассоциации славистов (AAASS), опубликовал свои возражения Кинану в лекциях в Интернете и подготовил статью, в которой дискутирует с оппонентом в области лингвистики, филологии и изучения памятников фольклора¹⁴. И это — не последнее слово в дискуссии¹⁵.

⁴ Первый, предварительный круглый стол: «Слово о полку Игореве» в перспективе» был проведен Американской Ассоциацией развития славянских исследований (*American Association for the Advancement of Slavic Studies Convention*) в Питтсбурге 22 ноября 2002 года. Его модератором был Даниэл Кайзер. В дискуссии приняли участие Билл Дарден, Ричард Хейли, Норманн Ингам, Дэвид Кирк Престел и Дин Стоддарт Уорт. К сожалению, я не смог принять участие в этой встрече.

⁵ 7 декабря 2004 г. в Бостоне Американская Ассоциация развития славянских исследований организовала круглый стол «Иозеф Добровский и происхождение “Слова о полку Игореве”». Его модератором был Дональд Островский, на мероприятии выступали Эдвард Кинан, Ладислав Матейка, Симон Франклин (вместо отсутствовавшего Ганса Роте) и Фрэнсис Томпсон. Хотя эта встреча была запланирована в конце сессии Ассоциации, когда многие ученые уже традиционно покидают заседания, число заинтересовавшихся темой оказалось настолько велико, что организаторам пришлось переводить заседание в большую аудиторию, и даже в ней всем желающим не хватало места, пока не были принесены дополнительные стулья.

⁶ В ноябре 2004 г. состоялась дискуссия в Оксфордском университете на встрече членов Общества исследования славянской и восточноевропейской истории (*Slavonic and East European Studies Group*). В ней приняли участие Фрэнсис Томпсон, Симон Франклин и Сюзанн Рейнольдс (см.: *Newsletter of the Early Slavic Studies Association*. 2005. April. Vol. 18. Nr. 1. P. 12).

⁷ См.: *Горский А. А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»: Современное состояние изучения // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27–29 августа 2000 года. Ярославль—Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 22–27; *Филошкин А. И.* 1) «Слово...», со слезами смешанное: Как гениальному древнерусскому поэму пытались объяснить подделку // *Родина: Росийский исторический журнал*. 2002. № 11/12. С. 185–188; 2) Психопатическое уничтожение «Слова о полку Игореве»: Рецензия на неизданную книгу Эдварда Кинана // *Логос: Журнал по философии и прагматике культуры*. 2002. № 2. С. 24–32. — Ответную полемику в защиту взглядов «скептиков» см.: *Столярова Л. В.* О «Слове» и пустословии // *Древнейшее государство Восточной Европы*. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2004. С. 332–337 (*библиография приводится от переводчика.* — А. Ф.)

⁸ *SEEJ*. 2004. Vol. 48. Nr. 2. P. 299–302. — Благодарю Норманна Ингама, что он любезно обратил мое внимание на эту рецензию.

⁹ *SR*. 2005. Vol. 64. N. 1. P. 218–219.

¹⁰ *Strakhov O.* 1) *The Linguistic Practice of the Creator of the Igor' Tale and the Linguistic Views of Josef Dobrovsky // Palaeoslavica*. 2003. Vol. XI. P. 36–67 (русский перевод: *Страхова О.* Языковая практика создателя «Слова о полку Игореве» и лингвистические взгляды Иозефа Добровского // *Славяноведение*. 2003. № 6. С. 33–61); 2) *A New Book on the Origins of the Igor' Tale: A Backward Step // Palaeoslavica*. 2004. Vol. XII. Nr. 1. P. 204–238.

¹¹ *Danylenko A.* The Latest Revision of the *Slovo o polku Igoreve*, or Was Jaroslav of Halych Really Shooting From His 'Altan' in 1185? // *SEER*. 2004. Vol. 84. Nr. 2. P. 921–935.

¹² *Franklin S.* The *Igor' Tale: A Bohemian Rhapsody?* // *Kritika*. 2005. Vol. 6. Nr. 4. P. 833–845.

¹³ *Зализняк А. А.* Новейший кандидат на авторство «Слова о полку Игореве» — Иосиф Добровский // *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 265–323. — Стоит подчеркнуть, что не только данная глава, но и книга в целом имеет большое значение для дискуссии вокруг гипотезы Кинана.

¹⁴ *Ingham N.* Once More Around the Igor' Tale in: *Russian History = Histoire russe*. В печати.

¹⁵ См., например, рецензии В. М. Живова: *Живов В. М.* 1) Улики подлинности и улики поддельности. По поводу книги: Keenan Edward L. *Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale*. Cambridge (Mass.): Distributed by Harvard University Press, 2003. XXIII, 541 p. // *Русский язык в научном освещении*. М., 2004. № 2 (8). С. 240–268; 2) Что не может фальсификатор [Рец. на кн.: А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской

По причинам, которые очевидны, я не собирался вступать в спор, учитывая опыт предыдущей полемики с Кинаном в отношении его гипотезы о подложности переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского¹⁶. Я не лингвист, поэтому мне непросто судить о филологических изысканиях Кинана. Однако я был заинтригован, обнаружив целый ряд методологических параллелей между двумя монографиями Кинана. Наиболее поразительно, что только два предмета побудили гарвардского ученого к написанию двух монографий, с большим хронологическим промежутком между ними, и в обоих случаях это было оспаривание подлинности древнерусских текстов. Собственно говоря, ничего негативного в этом нет. В гуманитарных науках успех часто напрямую связан с настойчивостью автора и градусом его «иконоборческого» пафоса, даже если при этом взгляды автора ошибочны и даже в особенности, если они ошибочны. Повторение Кинаном одних и тех же аргументов осеняло светом его новые публикации.

Главная идея Кинана отражена в самом названии книги: «Слово о полку Игореве» не аутентично памятникам древнерусской литературы, потому что написано великим чешским славистом конца XVIII — начала XIX вв. Йозефом Добровским. Монография состоит из пяти глав, заключения и четырех приложений.

В первой главе — «Легенда о “Слове о полку Игореве”» («The Legend of the Igor' Tale». P. 1–63) Кинан обобщает историю введения поэмы в научный оборот, причем, продолжая скептическую традицию, связывает ее с «Оссиановым безумием» конца XVIII века. Ученый буквально изничтожающее препарировал другие точки зрения ученых на данный вопрос. Его слова и методы сходны с более ранними филиппиками, с которыми он обрушивался на сторонников подлинности переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Кинан приходит к выводу, что вся история обретения поэмы подозрительна. Он рисует весьма нелестный портрет первооткрывателя «Слова» графа А. И. Мусина-Пушкина, изображая его поведение как сплошное нарушение морали и этики. По словам историка, граф все время смешивал «факты и фантазию», современники считали его подлым лжецом (P. 38, примечание 118; P. 40, примечание 128). Веру в подлинность «Слова» другого слависта, К. Ф. Калайдовича, Кинан объясняет его душевной болезнью, сопровождающейся потерей памяти (P. 49). Ведь именно Калайдович заявил, что оригинал манускрипта погиб в московском пожаре 1812 года, но его слова более никто не подтвердил. А. Ф. Малиновский, который взял на себя предварительную подготовку текста «Слова» к публикации в 1800 года, позже пытался всучить изготовленную А. И. Бардиным фальшивую рукопись «Слова» Румянцевскому рукописному собранию (№ 1375). Вся эта «колоритная шайка», намекает Кинан, не заслуживает никакого доверия. Однако, как замечает гарвардский ученый, ни один из них не обладал необходимой филологической подготовкой, чтобы самому сфальсифицировать такой текст: «Совершенно невозможно, чтобы какой-либо россиянин в 1800 г. сумел бы сочинить такую уникальную поэму» (P. 62).

Кинан отвергает само существование рукописи «Слова», называя принадлежавший А. И. Мусину-Пушкину документ «призраком». Этот тезис ученого был решительно опро-

культуры, 2004. 352 с.] // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). Статья размещена на сайтах: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=928> и http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_32.html (последнее посещение 18 июля 2007 г.) (библиография добавлена переводчиком. — А. Ф.).

¹⁶ Halperin Ch. 1) A Heretical View of Sixteenth-Century Muscovy: Edward L. Keenan, *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha* // JGO. 1974. Bd 22. N. 2. S. 161–186; 2) Keenan's Heresy Revisited // JGO. 1980. Bd 28. Nr. 4. S. 481–499; 3) Edward Keenan and the Kurbskii—Groznyi Correspondence in Hindsight // JGO. 1998. Bd 46. S. 376–403.

вергнут: и Страхова, и Франклин указали, что Кинан не учел свидетельств И. П. Елагина и Н. М. Карамзина, что они видели рукопись¹⁷.

Проблема подлинности «Слова» связана с вопросами, которые были поставлены сразу после публикации текста поэмы в 1800 году: это спорные моменты литературной истории, соответствия языка «Слова» XII в. и дискуссионность общей логики произведения. Кинан обратился к этим, действительно, имеющим место проблемам (Р. 8), и пришел к выводу, что текст «Слова» не может иметь никакого сравнения с «Восточнославянским авторским поэтическим нарративом» на Руси до XV столетия (Р. 29), и содержащиеся в «Слове» лексические, географические и исторические противоречия не соответствуют предполагаемым реалиям русского Средневековья (Р. 60–61).

Кинан обобщил критику текста, уже сделанную французским славистом А. Мазоном и советским ученым А. А. Зиминым. В своем изложении Кинан беспощаден к выступлениям защитников подлинности «Слова», включая своего собственного учителя, великого лингвиста Романа Якобсона, против «скептиков». Например, гарвардский славист цитирует письмо академика Д. С. Лихачева к Б. А. Рыбакову, в котором говорится о необходимости опровержения выступления Зимина. Кинан называет письмо «субийственным» и «шокирующим» (Р. 21, примечание 61; Р. 25, примечание 80). Тут он, пожалуй, даже поскромничал в своих оценках. Даже если Д. С. Лихачев, который считался голосом русской культуры и совестью академической интеллигенции, объединился с Б. А. Рыбаковым для исполнения долга, который он считал «патриотическим», но при этом фанатичный антисемитизм и шовинизм Б. А. Рыбакова должен был бы его оттолкнуть. А. А. Зализняк, который оценивает компетенцию А. А. Зимина в лингвистике как весьма низкую, тем не менее настаивает, что мужество московского ученого, «покусившегося» на Священный Грааль советской гуманитарной науки, заслуживает большого уважения¹⁸.

Во второй главе «Свидетельства» («The Witnesses», Р. 65–98) Кинан анализирует соотношение текстов сохранившихся копий «Слова», опубликованного текста и так называемой Екатерининской копии (версию о ее создании специально для императрицы Екатерины II славист считает ошибочной), и в особенности — рукописных выписок из текста, связываемых с именем А. Ф. Малиновского (так называемые «фрагменты Малиновского»). Анализ приводит Кинана к выводу, что выписки Малиновского делались не из полного текста «Слова»: если текст имеет смысл и без данных фрагментов, тогда они могли быть написаны отдельно и затем интерполированы в полную версию текста. Кинан «разгадал» две фазы создания «Слова»: сперва были написаны отрывки (известные как «фрагменты Малиновского»), а текст, известный нам под именем «Слова о полку Игореве», был результатом «сплава» данных фрагментов с некоей «оригинальной» версией нарратива. Критики гипотезы Кинана пришли к единому выводу, что предложенная им схема соотношения «фрагментов Малиновского» и основного текста «Слова» неубедительна¹⁹.

В этой главе Кинан продемонстрировал несколько навыков текстологического анализа, которые он приобрел при анализе соотношения текстов Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому и Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному. Он наполнил страницы своей книги текстологическими стеммами и схемами в виде «генеалогических древ». Кинан анализирует две редакции Первого послания Курбского так же, как реконст-

¹⁷ Strakhov O. A New Book on the Origins of the Igor' Tale... Р. 206–217.

¹⁸ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 159.

¹⁹ Strakhov O. A New Book on the Origins of the Igor' Tale... Р. 223–230.

руируемые им две версии текста «Слова». Когда ученый анализировал списки и конвои Переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского, это имело значение для вопроса о происхождении или авторстве текста. Однако в случае со «Словом» изыскания Кинана достигли противоположного результата, и его наблюдения не имеют принципиального значения для установления происхождения «Слова» и авторства текста.

В третьей главе «Падре в синем» («*The Blue Abbe*», Р. 99–136)²⁰ Кинан представляет кандидата на роль автора «Слова», Йозефа Добровского. Ученый подчеркивает, что Добровский был душевнобольным, страдал галлюцинациями, но и в периоды наилучшего обострения болезни продолжал работать как ученый-гуманитарий. Добровский посетил Россию в 1792–1793 гг. и работал в русских архивах и рукописных хранилищах, причем в его распоряжении были древние тексты, необходимые для создания «Слова о полку Игореве». Кинан утверждает, что Добровский, и только Добровский, обладал всем необходимым для «изобретения» «Слова»: филологической квалификацией крупного эксперта по средневековым текстам, а также техническими возможностями использовать эти тексты для сочинения подделки. В своей научной деятельности он не всегда оказывался выше всяких поправок. Он не обнаружил подделки «старочешских» поэм, на самом деле написанных его студентами, «пока он не был мучительно обижен в других делах» (Р. 124). Но не только знания Добровского и его технические возможности делают его наиболее вероятным кандидатом на роль автора «Слова», но также и его ограниченность в знании именно восточнославянского региона и русского языка. Этот вывод Кинан делает совершенно недвусмысленно в следующей главе²¹. В опровержение этого тезиса Страхова пишет, что «Слово» не отражает взгляды Добровского на церковнославянскую грамматику и лингвистику (довольно оригинальные и далекие от реалий), и Зализняк присоединяется к ее анализу и выводам²².

Кинан «обыгрывает» идею душевной болезни Добровского и потерю им памяти и утверждает, что чешский славист защищал подлинность «Слова» после его публикации потому, что «забыл», как он сам написал эту поэму. Кинан также умозрительно увязывает обращение текста «Слова» к духовным проблемам с историей душевной болезни Добровского (Р. 228) — весьма искусственное построение, поскольку эти «оссиановские клише» встречались в то время повсеместно. Кинан завершает эту главу утверждением, что он собрал достаточно аргументов для предъявления Добровскому «обвинения» в написании «Слова». Важным здесь, на наш взгляд, является то, что Кинан квалифицирует «создание» «Слова о полку Игореве» не как «фальсификацию», а как «изготовление, фабрикацию», которая в XVIII веке, когда появилось много «подражаний» древним авторам, не считалась подделкой.

Глава четвертая «Читая “Слово о полку Игореве”» («*Reading the Igor' Tale*», Р. 137–396), несомненно, является «сердцем» книги. В ней строфа за строфой, строчка за строчкой разбирается лексикон поэмы, с целью выявить богемизмы и явные неточности, которые подтверждали бы факт подделки. Для этого используется всеобъемлющий словарь-справочник «Слова», составленный, правда, сторонниками его подлинности. Но он позволил Кинану начать свое исследование с прекрасных стартовых позиций. Мне представляется, что данный факт свидетельствует: Кинан куда более требователен в выявлении уникаль-

²⁰ Добровский был членом Ордена иезуитов и носил синюю одежду, чем и обусловлено данное название главы (примечание переводчика. — А. Ф.).

²¹ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 278.

²² Strakhov O. 1) *The Linguistic Practice of the Creator of the Igor' Tale...* 2) *A New Book on the Origins of the Igor' Tale...* Р. 230–237; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 312–314.

ного, чем сторонники подлинности поэмы. Обращая внимание на уникальное, он игнорирует случаи общего, то есть проходит мимо лингвистических параллелей (за исключением сходных значений), оттенков значений, префиксов, отрывков из других текстов и т. д. Защитники подлинности «Слова» в целом стремились, создавая свой словарь, расширить число примеров языкового сходства поэмы с литературными памятниками XII века, чтобы рассеять расхожее представление об «уникальности» этого текста, якобы несоответствии его словарного состава эпохе.

Разъясняя свой подход (Р. 137–154), Кинан подчеркивает, сколь мало количество «достоверных» текстов, которые можно без сомнений атрибутировать книжности XII века. В качестве источника он без колебаний забраковал «так называемый» (кавычки Кинана) фольклор, на что в дальнейшем резко возразил Роберт Манн.

Каждый согласится с тем, что понимание «Слова» затруднено тем, что оно буквально переполнено уникальными словами и выражениями. Даже защитники подлинности поэмы вынуждены править текст, чтобы интерпретировать или переводить его. Кинан следует этой традиции, но он для этого использует принципиально иной культурный контекст. Он предлагает анализировать нарратив, исходя из лингвистических знаний и навыков Добровского, которые, будучи по своей сути чешскими или в крайнем случае старочешскими, хотя и могли имитировать древнерусский язык XII века, но все же отличались от него, о чем свидетельствует экспертиза. Добровский не делал различий между украинским и белорусским языками, с одной стороны, и русским — с другой. Он думал, что восточнославянские языки содержат те черты старочешского и церковнославянского, которых в них на самом деле нет. Результатом этих пробелов в знаниях чешского слависта были «*inter-Slavic malapropisms*», ошибочно взятые из литературных вольностей поэтов-традиционалистов (Р. 149–151). Кинан также выделяет слово, по мнению ученого, созданный Добровским. Язык «Слова», по мнению гарвардского ученого, является наиболее убедительным свидетельством в пользу авторства Добровского.

Кинан не обсуждает текст поэмы от начала до конца. Он предпочитает, в силу резонанса, о которых умалчивает, начать свой анализ с «фрагментов Малиновского», которые, по его мнению, были написаны позже составления основного текста и затем включены в него. Хотя Кинан часто приводит английский перевод пассажей, который, по его мнению, делает их корректными и дешифрованными, он не делает полного перевода на английский язык «Слова о полку Игореве». Эта задача не входит в его замысел. Однако такой перевод помог бы читателю оценить, как интерпретируют, предлагаемые ученым, делают текст более ясным для понимания по сравнению с предыдущими английскими переводами «Слова».

Методы лингвистического анализа Кинана вызывают наибольший протест у лингвистов и филологов. Ингам оспаривает корректность вырывания слова или даже части слова из контекста с целью найти его параллели в чешском языке. Ингам, Страхова²³, Даниленко²⁴ и Зализняк настаивают на том, что чисто лексический анализ, не сопровождающийся обращением к другим отраслям лингвистики, таким как грамматика, графика, диалектология, фонология, семантика и орфография, является неприемлемым. Кинан утверждает, что эти темы должны составлять отдельную дискуссию. Зализняк обратил внимание, что исследователь придерживается той же линии аргументов, которая в общем характерна для «скепти-

²³ Strakhov O. A New Book on the Origins of the Igor' Tale... P. 230–237.

²⁴ Я был очень озадачен рецензией Шарыш, которая нашла монографию Кинана в целом неубедительной, содержащей «искусственные выводы», при этом четвертая глава отнесена к «наиболее доказательным».

ков», причем, в зависимости от собственной лингвистической подготовки, критики «Слова» находят в нем заимствования из очень разных языков. Мазон обнаружил галлицизмы, Трост — германизмы, Айцетмюллер — полонизмы²⁵. Эти авторы, в их число следует включить и Кинана, считают, что уникальные выражения в «Слове» имеют иностранное происхождение. Зализняк на это отвечает, что берестяные грамоты содержат множество «уникальных» слов, имеющих параллели в польском, чешском или сербском языках. Он также замечает, что в случае признания происхождения «уникальных» выражений «Слова» из творчества чеха Добровского, невозможно объяснить, почему «Задонщина» содержит множество аналогичных слов, которые уж никак не могут быть изобретены Добровским и не являются чешскими. Зализняк выразил крайнее изумление, что Кинан, определяя данные выражения «Слова» как божемизмы, полностью пренебрег их употреблением в «Задонщине». В случае признания поэмы фальсификатом надлежит признать и то, что Добровский был лингвистическим гением, который сумел предвидеть результаты лингвистических исследований на два века вперед, и в то же время небрежным ученым, совершавшим элементарные ошибки²⁶. Очевидно, что Зализняк не считает противоречивые оценки Кинана в отношении научной деятельности Добровского доказанными. Я и не лингвист и не знаю чешского, поэтому и отказываюсь от выражения собственного мнения, аргументы какой из сторон более убедительны.

Кинан скрывает многочисленные наблюдения, подтверждающие его оценки содержащихся в тексте «Слова» ошибок в истории, географии, генеалогии, даже орнитологии внутри общего массива лексикологического анализа. Было бы полезнее собрать этот материал отдельно и опубликовать в формате, более доступном для восприятия читателями.

Прочтение Кинаном «Слова» высвечивает склонность ученого к игре, жонглированию словами и звуками, двязычным (русско-чешским) каламбурам (Р. 370). Как и в случае с анализом творческого процесса по созданию Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному, подсознательно вызывается удивление, о каком ярком творчестве и богатом воображении идет речь у самого Кинана или его авторов, поскольку сам Кинан способен описать свою научную задачу в следующих словах: «*to lay the ghost to the "Lay of the Host of Igor"*» (Р. xvii).

Кинан придает огромное значение открытию в «Слове» гебраизма *Urim*, имеющего отношение к библейскому выражению *urim vthummim*, вероятно, имеющего отношение к облачению священников, вопрос о котором вызывал особый интерес в конце XVIII века, что отразилось даже в печати Йельского университета (Р. 311–323, репродукция печати на Р. 321), и в итальянском архитектурном термине *altana*, обозначающем небольшую башню (Р. 329–331, иллюстрация на Р. 331). Естественно, утверждает Кинан, ни гебраизм, ни архитектурный термин невозможно связать с предполагаемой эпохой создания «Слова» — XII веком.

Образная реконструкция Кинаном творческого процесса создания «Слова» не привела его, в конце концов, к восторженным оценкам эстетической ценности данного произведения. В итоге ученый пришел к выводам о его второстепенном значении: «В сущности, оценивая значение этой поэмы, не столь важно, перед нами великий шедевр, или безделушка —

²⁵ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 13, 19, 29–30, 206–264. — Зализняк заметил, что Кинан не ссылается на немецких и австрийских критиков «Слова», писавших в 1970–1990-е годы, либо из-за незнания этой литературы, либо из-за того, что считает их систему доказательств не заслуживающей внимания (Там же. С. 206, примечание 44).

²⁶ Там же. С. 120–125, 177, 296–297, 322.

плод игры (“*playful trifle*”)» (Р. xxi). Кинан позволяет себе обнародовать свое наблюдение, что литературный уровень «Слова» довольно скромнен («*modest*»). Исследователь куда больше поражен словесным ремеслом автора («*wordcraft*»), чем его искусством, хотя при этом он оценивает «Задонщину» как менее ценное произведение, всего лишь литературную «пищу» для создания «Слова». Последнее кажется Кинану в большей степени литературным паззлом, чем приятным чтением.

Не искушенный в чешском языке читатель, несомненно, испытает серьезные неудобства при обращении к той части главы, в которой приводятся сравнения отрывков из «Слова» (все они приводятся в их кириллическом варианте) с цитатами из старочешского и современного чешского²⁷.

Оппоненты Кинана считают неправильным предлагаемое им прочтение *urim* вместо традиционного «у Рйм» (географического пункта, видимо, г. Римова) и *s altana* вместо «султана», которые Кинан считает наиболее наглядными и неоспоримыми обоснованиями своей гипотезы²⁸.

И последний комментарий к этой главе. Студенты Добровского опорочили его интеллектуальные заслуги, когда они сорвали маску с созданных ими литературных подделок, которые сам Добровский не смог распознать как фальсификат. Эта клевета отразилась в словах, сказанных уже после смерти Добровского сэром Джоном Боурингом, опубликовавшим антологию чешской литературы: Добровский «был грамматистом (“*grammarians*”), но не поэтом... Он обладал маниакальной страстью к словам, и наградой ему были три письма на славянском, которые он открыл в V–VI веках истории Богемии — ценность данного открытия можно приравнять к находке нумизматом медных монет времени правления германского императора Оттона» (Р. 122). Судя по четвертой главе рецензируемой монографии, Кинан во многом стал разделять «словесную манию» («*verbo-mania*») Добровского.

В пятой главе «Выводы» («*Conclusions*», Р. 397–429)²⁹ Кинан собирает вместе другие разрозненные наблюдения, отражающие отношение «Слова» к «Задонщине» и другим текстам. Прежде всего, он публикует материал об «ориентализмах» в поэме и наиболее «спекулятивную» картину реконструкции его создания и распространения, связанную с мотивами поведения Добровского. Кинан поддерживает замечание А. Мазона, что «Слово», с его возвеличиванием верховной княжеской власти и славянского единства, было ответом на Разделы Польши (1772, 1793, 1795) и Ясский мир (1791). Причем ответом, «географически ориентированным» на Австрийскую Галицию. Таким образом, целью написания «Слова» под славянский эпос XII в. было дать невинный ответ на грандиозные геополитические потрясения конца XVIII века.

Собственно текст заканчивается заключением, которое Кинан именует «*Envoi*» (Р. 431–434, «*Envoi*» здесь, по словам самого Кинана, используется в старом значении: «прощальные

²⁷ Фрэнсис Бутлер прокомментировал мне данные фрагменты книги Кинана следующим образом: большинство слов, которые автор монографии считает богемизмами, имели хождение в восточнославянских языках. Это слабое оправдание для того, чтобы считать их имеющими исключительно чешское происхождение, и что читателям книги не требуется знания чешского. Зализняк пишет о том же: ни один из так называемых богемизмов Кинана не может быть к ним однозначно причислен, существуют и другие объяснения происхождения и языковой принадлежности данных слов (Там же. С. 286). Да и сам Кинан иной раз оговаривает, что его «богемизмы» могут иметь более правильное значение.

²⁸ *Strakhov O. A New Book on the Origins of the Igor' Tale...* Р. 234–236 — о выражении «у Рйм» и Р. 236–237 — о «салтане»; *Зализняк А. А.* Указ. соч. С. 301–307 — о выражении «у Рйм» и С. 307–309 — о «салтане».

²⁹ В содержании эта же глава названа иначе — «Находки» («*Findings*»).

слова»). В нем ученый размышляет о существенных вопросах своего исследования, на которые так и не был найден ответ.

Книга завершается четырьмя приложениями: 1) текст *Editio Princeps* (первой публикации «Слова», Р. 435–458); 2) маргиналии Добровского к Библии Франциска Скорины (Р. 456–463); 3) первый перевод «Слова» (Р. 465–480) и 4) Хронология цитирования И. П. Елагиным «Слова» (Р. 481–483), первая публикация, имеющая отношение к тексту. В самом конце издания размещена «Библиография» (Р. 485–529)³⁰, весьма ценный указатель лексических единиц «Слова» (Р. 531–534) и предметный указатель (Р. 535–541).

Несомненно, что монография «Йозеф Добровский и происхождение “Слова о полку Игореве”» является добротным представителем целой научной школы, впечатляющей ее возможностями и размахом, и никак не заслуживает легкого и пренебрежительного отношения³¹. Для углубления своего знакомства с предметом исследования Кинан проводил архивные изыскания в Кембридже, Массачусетсе (архив Р. О. Якобсона), Праге (материалы Й. Добровского) и Санкт-Петербурге. Кинан известен как весьма искусственный полемист. Поэтому неудивительно, что сторонники подлинности «Слова» не спешат отвечать и ценят свое время, чтобы тратить его на возражение аргументам Кинана. Таким образом, ранее все попытки оспорить подлинность «Слова» встречались с жестким ответом, поэтому Кинану надо быть готовым к серьезному спору.

Исследование переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского вызвало, к счастью, нетипичную, отличную от традиционного *ad hominem* аргумента против гипотез Кинана, реакцию российского эмигрантского историка Николая Андреева, который критиковал Кинана с помощью довода, что американский славист не консультировался ни с кем, кто был бы «русским по культуре». Столь же «националистическая» критика звучала в адрес украинского коллеги Кинана Омеляна Прицака.

Очевидно, что эта полемика отличалась от нового аргумента *ad hominem*, касающегося книги о «Слове», что Кинан — историк, а не профессиональный лингвист. Однако никто из тех, кто читал предыдущие работы Кинана, не пытался глупо отвергать его лингвистические навыки и исследовательские результаты. Кинан вывел иранскую этимологию названия реки Волги и произвел деловой язык московской канцелярии от актового формуляра Турецкой империи. Вопрос не в том, является ли Кинан профессиональным лингвистом, но в другом — весомы или легковесны его лингвистические аргументы?

Если соотносить Кинана с Зализняком, то следует помнить, что Зализняк отнесся к лингвистическим построениям своего оппонента не пренебрежительно, но с высокой долей скептицизма, считая лингвистические аргументы Кинана либо не лингвистическими вообще, либо — «плохой лингвистикой». Было бы неправильно критиковать Зализняка за его профессиональную гордость лингвиста в отношении «любителя», которым является Кинан³².

³⁰ Стоит заметить, что из двух семинарских докладов Кинан, известный как прекрасный преподаватель, только в одном случае, поместив текст, привел к нему библиографию (*Keenan E. Josef Dobrovsky...* Р. 61, примечание 193; Р. 148, примечание 36).

³¹ Даже оппонент Кинана, А. А. Зализняк, называет его труд «интересным», «хорошо обоснованным», «ясно написанным». Он считает его труд сильнее работ германских и австрийских лингвистов, отрицающих подлинность «Слова» (*Зализняк А. А. Указ. соч. С. 265*).

³² Раз за разом Зализняк повторяет, что только лингвистические аргументы являются научными, объективными и убедительными при установлении подлинности «Слова», что делает лингвистику наиболее эффективной дисциплиной (*Зализняк А. А. Указ. соч. С. 10, 177*).

Повороты лингвистических изысканий Кинана различны и неожиданны. Очевидно, что до начала исследования «Слова» ученый никак себя не зарекомендовал в качестве специалиста по чешскому языку. Это он и сам признает, помещая во введении благодарность Ладиславу Матейке за помощь в чешском, поскольку Кинан «почти не знал этого языка» до начала своих штудий. Уместно напомнить, что в 1980 г. гарвардский славист охарактеризовал сам себя как «не очень квалифицированного самоучку в латинском»³³, языке главного сочинения Добровского — «*Institutiones*». В общем, судя по его сочинениям, Кинан не испытывает недостатка самоуверенности в собственной компетенции в области лингвистики.

Вопрос о языках вынуждает сделать еще один комментарий, касающийся читателей рецензируемой монографии. Очевидно, что аргументация Кинана требует обращения к сопоставлению разных форм восточнославянских языков с чешским, как древним, так и современным. Для достижения главной заявленной цели автор должен владеть восточнославянскими языками, русским и чешским, которые в особом почете у филологов³⁴. Но Кинан, написавший книгу преимущественно на английском, сделал издание для ученых, которые желают изучить его книгу, будучи знакомыми с материалами по теме в оригинале чешского, а также русского, французского, немецкого, итальянского и украинского, не говоря уже о случайных словах из еврейского и греческого. Отметим, что уникальный микст Добровского из чешского и латыни сам по себе мог бы дать пищу для определенных выводов, но ничего не остановило Кинана от перевода даже этих пассажей на английский.

Лингвистические изыскания Кинана неизбежно требуют обращения к специальным словарям и справочникам, таким как лексический (Р. ix), морфологический (Р. 139, примечание 7), словарь слов-паразитов (Р. 159, примечание 57; Р. 417), звуков-паразитов (Р. 197, 359, 416), вставных звуков (Р. 260), двойственных (Р. 319, примечание 798), «велярных звуков спирантов, превратившихся в задерживающиеся звуки» (Р. 377, примечание 1077), непроизносимых (Р. 382), внутренних плавных звуков (Р. 414), йотированных (Р. 415) и йотирующих (Р. 416). В дополнение активно используется текстологическая и филологическая терминология: перикоп (Р. 6), галакс легомена (Р. 13, истолкование Р. 139), *Editio Princeps (passim, акроним EP)*, *opinio communis* (Р. 71), *incipit* (Р. 78), *recto, verso*, (Р. 91), диттография (Р. 91, 354), *realia* (Р. 128), *exordium* (Р. 146), парафраз и парафрастический (Р. 167, 231), *locus classicus* (Р. 185, примечание 191), троп (Р. 207), *onomatopoeic* (Р. 218), апостроф (Р. 224), *lectio difficilior* (Р. 241), антология (Р. 304), конволют (Р. 397). И, наконец, обыкновение Кинана употреблять выражения из немецкого, французского, итальянского, латинского вперемежку с английским: *grosso modo* (Р. 83, 126), *rarissime* (Р. 104), *en vogue* (Р. 119), *comparandi* (Р. 182) и *comparanda* (Р. 182), *mot juste* (Р. 213), *ben trovato* (Р. 236, примечание 394), *via dolorosa* (Р. 261, примечание 519), *sotto voce* (Р. 337, примечание 873), *Gelehrter* (Р. 401). При описании текста «Слова» Кинан акцентирует внимание на его полисемии (Р. 154) и многозначности (Р. 171). Космополитичный полилингвизм Кинана есть важная часть его индивидуального авторского стиля, но он наводит на мысль о близости полиглота Кинана и полиглота Добровского.

Воздействие монографии Кинана о Добровском, возможно, будет не столь сильно, как первой книги американского слависта о переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского — «Апокрифов». Кинан был первым специалистом, поставившим на серьезном уровне вопрос

³³ Keenan E. Review of: Hugh Graham (ed.). The *Moscovia* of Antonio Possevino. S. J. Pittsburgh, 1977//SR 1980. Vol. 39. P. 111–113. Цитата на С. 111.

³⁴ Историки, которые не готовы отважиться осваивать чешскую лингвистику, или даже сопоставление языков, будут удовлетворены прочтением глав 1, 3, введения к главам 4, 5 и «*Envoi*».

о подлинности этого эпистолярного комплекса (до него это пытался сделать только специалист в новейшей российской истории С. М. Дубровский в 1956 г. больше как комментарий к исследованию «культы Ивана Грозного», чем как специальное исследование; и специалист по истории Московской Руси С. Ф. Платонов предположил вероятность подобной подделки, но тут же оговорился, что перед нами подлинник). Однако в случае со «Словом» Кинан — лишь один из длинной череды исследователей, отрицавших аутентичность данного памятника. Если обращение к чешской лингвистике действительно является новым, то в целом нельзя сказать, что новая книга этого автора произведет столь же разрушающее воздействие на традиционные представления, как это было в случае с Московской XVI–XVII вв.

Работа Кинана о «Слове» не содержит того количества и разнообразия аргументов против его подлинности, как его предыдущий труд о переписке Грозного с Курбским. Поздний Кинан представляет широкую культурологическую и текстологическую панораму, перечисляя конвои, манускрипты, филологические и исторические публикации. Как и ранний, он упоминает огромное количество примеров и свидетельств, но они в основном сосредоточены в четвертой главе, потому что он главным образом полагается на предшествующую ученость. В рассказе о «Слове» Кинан полагается в основном на словарный материал.

В проблеме древнерусского контекста «Слова» — точнее, по мнению Кинана, в отсутствии оно — все не столь однозначно, как это пытается представить гарвардский ученый. Аргумент, что «Слово» не подходит XII веку, поскольку более не существует похожих светских поэм, логичен, но в случае, если «Слово» подлинно — то *оно* и есть часть этого контекста. Сравнение одного текста с восточнославянской культурой в целом требует его отделения от других текстов³⁵. Все «скептики» утверждают, что «Слово» в жанровом отношении совершенно не похоже на другие памятники древнерусской эпохи. Но ведь уникальность не означает, что перед нами обязательно подделка.

Кроме того, Кинан сам обеспечивает готовое возражение на его собственные заявления относительно того, что «Слово» не подходит XII столетию. Он так ограничивает количество текстов, которые могут «надежно» свидетельствовать о характере культуры XII века, что спорить становится невозможно — получается, что наши знания об изучаемом периоде настолько ограничены, что мы не можем делать вообще никаких выводов³⁶.

Ни Кинан, ни другие «скептики» не предлагают убедительного решения парадокса, связанного с их отрицанием подлинности «Слова». Безотносительно этой поэмы, как же быть с «Задонщиной»? Она тоже уникальный памятник, не имеющий аналогов среди жанров московской литературы? Это светский памятник? Почему можно считать, что автор «Задонщины», а не «Слова», был первым восточнославянским писателем, который записал эпическую поэму на бумагу? Почему эти два произведения настолько похожи?

Популярность «Слова» — еще одна уязвимая позиция. Если защитники подлинности поэмы могут назвать лишь очень ограниченное число бесспорных примеров, доказывающих, что его читали в Средневековье или, по крайней мере, цитировали по памяти — это известная приписка к псковскому «Апостолу» 1307 года³⁷, и его использование автором

³⁵ Эти соображения были также поддержаны Михаилом Чернявским на коллоквиуме в Колумбийском университете в конце 1967 г. или в промежутке между окончанием 1969 и весной 1971 года.

³⁶ Эта точка зрения также была высказана А. Зализняком: *Зализняк А. А.* Указ. соч. С. 283.

³⁷ *Бобров А. Г.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponia*. 2005. Vol. 22. P. 280–281. — Кроме того, отмечаются параллели «Слова» с «Жоением за три моря Афанасия Никитина». А. А. Зализняк представляет еще более обширный список текстов, которые, по мнению его и Д. С. Лихачева, должен был бы хорошо знать гипотетический фальсификатор «Слова», см.: *Зализняк А. А.* Указ. соч. С. 116–117.

XV в. и копиистами XVII в. «Задонщины», автором XVI в. и копиистами XVII в. «Сказания о Мамаевом побоище» (другим памятником «Куликовского цикла»)». Согласно традиционной схеме, «Слово» дошло до нас в единичном, псковском списке XVI века, который был открыт в XVIII в. и погиб в московском пожаре 1812 года. Литературная история «Слова о полку Игореве» свидетельствует, что оно не было «самым популярным текстом» русского Средневековья. Но непопулярный текст может быть аутентичным так же, как и литературный шедевр³⁹.

Вопрос о текстуальных заимствованиях требует особого рассмотрения. «Слово о полку Игореве», эпос о неудачном походе на половцев в 1185 году, и «Задонщина», эпос об успешной кампании против татар в 1380 году, настолько текстуально близки, что предположить их независимое возникновение просто невозможно — обязательно один памятник был написан под влиянием другого. Если первична «Задонщина», то «Слово» нельзя отнести к памятникам древнерусского периода, поскольку «Задонщина» точно датируется временем *после* Куликовской битвы 1380 года.

Примечательны заявления Кинана по этому поводу. Он замечает, что «традиционалисты» всегда считали первичным «Слово», а «скептики» изначально утверждали «очевидность двойственной направленности влияния» (Р. 9). По словам ученого, «вопрос о взаимоотношении “Слова”, разных редакций “Задонщины” и “Сказания о Мамаевом побоище” и внутренней связи данных текстов настолько сложен, что при современном уровне доказательств его решение не представляется возможным» (Р. 30). При этом, естественно, свои собственные представления о соотношении текстов «Слова» и «Задонщины» он не считает «недоказуемыми» и не имеет вообще никаких сомнений, что во всех случаях параллелей между этими памятниками первична «Задонщина» (глава 4, *passim*). Кинан выявляет «парные пассажи» и обсуждает, как автор «Слова» адаптировал и подгонял фрагменты из «Задонщины» для своих собственных нужд. Поскольку и А. Мазон, и А. А. Зимин уже проделали аналогичную работу и выявили все случаи текстологических совпадений, Кинан в принципе присоединяется к ним. Поскольку данные пассажи редко отражают богемизмы, вклад Кинана в эту сторону изысканий о «Слове» довольно незначителен.

Текстологическое взаимоотношение между «Словом» и «Задонщиной» еще более запутывается фактом наличия разных списков и редакций последней. «Скептики» утверждают, что Кирилло-Белозерский список содержит Первую, Краткую редакцию «Задонщины», приблизительно первую половину полного текста памятника, отраженного во Второй, Пространной редакции. Поскольку текст «Слова» находит больше параллелей в Пространной редакции, это означает, по мнению «скептиков», что поэма о князе Игоре ближе к более поздней версии «Задонщины», и, следовательно, создана позже нее и на ней основана (Р. 127, 400–404). Защитники «Слова» предлагают другую текстологическую схему соотношений редакций «Задонщины», помещая Кирилло-Белозерский и Синодальный списки в одну группу, а другие пять списков (включая Ундольский) — в другую, тем самым отвергая деление на «краткую» и «пространную» редакции в пользу существования полного оригинального протографа, который в сокращенном виде получил отражение в Кирилло-Белозерском списке.

³⁸ Для удобства я пользуюсь датировками Кинана средневековых текстов. Его аргумент, что список «Моления» Даниила Заточника XVII в. был источником текста «Слова» — был опровергнут О. Страховой, так что никакие обратные текстовые отношения невозможны. См.: *Strakhov O. A New Book on the Origins of the Igor' Tale... P. 227–228.*

³⁹ Этот аргумент был поддержан устным высказыванием Арона Яковлевича Гуревича в ходе дискуссии у него в гостях в Москве в 1971–1972 годах. См.: *Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»... С. 258.* — Он обратил внимание на скудность рукописной традиции «Слова».

Кинан оказался первым критиком «Слова», который в целом придерживается текстологической схемы «Задонщины», предложенной защитниками «Слова»⁴⁰. Он согласен с тем, что две линии текстологических заимствований в «Слове» опираются на две разные редакции «Задонщины» (Р. 85–87) и что автор двух версий поэмы дважды обращался к рукописям сказания о Куликовской битве. Это опровергает один из важнейших аргументов скептиков, но не тревожит Кинана. Добровский, утверждает Кинан, «использовал как минимум две, а, возможно, и больше рукописи “Задонщины”», и «в любом случае, указанные нами анахронизмы (еврейское *Urim* и итальянское *altana*) делает невозможным вторичность “Задонщины” по сравнению со “Словом”» (Р. 394–395). Свидетельство, что Добровский видел рукописи «Задонщины», будет рассмотрено ниже, но ясно, что для Кинана уже является доказанным, что Добровский написал «Слово», с учетом текстовых соотношений между ним и «Задонщиной», которые не могут быть решающими для доказательства его подлинности. Кинан далее старается доказать, что аргументы в пользу первичности «Слова» не аксиоматичны, и проблема текстологии «Задонщины» остается спорной (Р. 402). Несмотря на это, он уверенно утверждает, что соотношение текстов «Слова» и «Задонщины» свидетельствует против аутентичности «Слова». Его мнение относительно «Задонщины» не очень отчетливо выражено, во многом потому, что рассеяно по разным частям книги⁴¹. О. Страхова критикует выводы Кинана о соотношении списков «Задонщины» и «Слова»⁴². Его схема слишком «умственная», сложна, искусственна и «закручена».

Другой аргумент Кинан приводит столь безапелляционно и высокомерно, что это трудно понять. Ученый счел, что «трудно и вообразить» в Московии XV в. автора (т. е. создателя «Задонщины»), который бы имел «литературную или прагматическую цель», вдохновившую бы его на обращение к XII в. (Р. 402–404). Действительно, «трудно и вообразить», если верить другим статьям Кинана, посвященным континуитету культур светских элит Киевской и Московской Руси, но которые не могут быть проанализированы в рамках данной рецензии.

Чтобы сочинить «Слово» в XVIII веке, его автор должен был воспользоваться «Задонщиной». Других вариантов просто нет. Объяснения Кинана, каким образом Добровский использовал «Задонщину» и другие родственные тексты, заслуживают отдельного рассмотрения (Р. 127). «Можно осторожно предположить», пишет гарвардский ученый, что Добровский видел Кирилло-Белозерский список «Задонщины», хотя, «кажется, в примечаниях Добровского нет ни малейших признаков» его знакомства с этим текстом. О. Страхова привела доказательства, что Добровский не мог изучать Кирилло-Белозерский список⁴³. Согласно утверждениям Кинана, Добровский не только видел, но и делал выписки из рукописи ГИМ Синодального собрания № 790, «и знал “Задонщину” в этой копии, хотя он, кажется, придержал эту информацию при себе».

Но если Добровский скрыл эту информацию, то как же она стала известной самому Кинану? Потому что автор «Слова» якобы использовал Синодальный список — какой серьезный аргумент! Страхова спрашивает, была ли та рукопись, которую видел Добровский,

⁴⁰ А. Г. Бобров, не упоминая Кинана, напротив, принимает текстологическую схему «скептиков», при этом признавая первичность «Слова», датирует его не ранее чем 1420-ми годами, и настоятельно предлагает в авторы «Слова» Ефросина Белозерского, которого Бобров сближает с князем Иваном Дмитриевичем Шемякинским. «Задонщину» ученый также приписывает Ефросину — см.: *Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»*... Р. 238–298.

⁴¹ См. статью «Задонщина» в предметном указателе: *Keenan E. Josef Dobrovsky*... Р. 541.

⁴² *Strakhov O. A New Book on the Origin of the Igor' Tale*... Р. 218–223.

⁴³ *Ibid.* Р. 218–219.

Синодальной № 790?⁴⁴ Нет никаких свидетельств, что чешский славист был знаком и с Ундольским списком. Кроме того, продолжает Кинан,

«Добровский никогда, насколько я знаю, не упоминал «Задонщине», которую он, очевидно, читал... Добровский держал в руках Псковский Апостол, но он не оставил никаких письменных заметок, содержащих сходный со «Словом» текст... Но это в высшей степени неправдоподобно, что ученый с его опытом и предвидением не посмотрел на колофон и не заглянул в конец рукописи. Он обязательно должен был увидеть такой текст» (Р. 129).

То, что Добровский должен был увидеть рукопись или письменные заметки, означает не больше и не меньше, что «невозможно продемонстрировать», что чешский славист сделал такую вещь.

И в прошлом, и в настоящем исследовании Кинан не доверяет своим предшественникам, относясь к историографии довольно сурово. Однако он не предъявляет таких же требований к самому себе. Давайте применим их к утверждению Кинана, что Добровский читал «Задонщину»:

- ♦ Добровский никогда не заявлял, публичным или частным образом, что он видел «Задонщину»;
- ♦ Добровский никогда не ссылаясь на «Задонщину», хотя он всегда очень аккуратно и скрупулезно относился к примечаниям (Р. 105);
- ♦ Добровский никогда не приводил никаких цитат, которые можно было бы связать с «Задонщиной»;
- ♦ вывод: нет абсолютно никаких свидетельств, что Добровский читал «Задонщину».

Можно предполагать, что Добровский читал «Задонщину», или спекулировать на эту тему, но гипотетическое знакомство чешского слависта с поэмой о Куликовской битве не означает, что он написал «Слово о полку Игореве».

Понятно, что невозможно применять одну и ту же исследовательскую методологию в любых случаях, но предыдущее исследование Кинана включало в себя несоответствия: с одной стороны, он признает подлинность переписки матери Ивана Грозного с его отцом, великим князем Василием III, протограф которой утрачен, и, с другой, ученый отдает приоритет «Скифской истории» Лызлова перед «Историей о великом князе Московском» Андрея Курбского, хотя рукописная традиция сочинения Курбского старше «Истории» Лызлова. Кинан отдает такие предпочтения, несмотря на декларируемое им приращение большого значения текстологическому анализу и аутентичности датированных рукописей.

Кинан не одинок в своих предположениях, что в конце XVIII в. многие ученые были осведомлены о «сказании о сражении на Дону» (Р. 402), но при этом он лукавит. Ученые знали *некий* нарратив о Куликовской битве, но в основном им было известно «Сказание о Мамеевом побоище»⁴⁵ по публикации в Синописе и Киприановой редакции, напечатанной вместе с Никоновской летописью. Но *никто* не упоминал, что ему была известна такая поэма, как «Задонщина». *Никто* не публиковал «Задонщину» до 1853 года. *Никто* не упоминал «Задонщины» в дискуссиях о подлинности «Слова», которые шли с 1800 по 1853 год, хотя любой, кто сличил бы эти два текста, сразу же бы убедился в их родстве. Немыслимо, чтобы кто-то был бы знаком с «Задонщиной» и за полвека не издал бы ее и не сослался бы

⁴⁴ Ibid. Р. 220–223 — о Синодальной рукописи и Р. 219–220 — об Ундольском списке.

⁴⁵ Кинан справедливо ставит вопрос о текстологических связях между «Сказанием...», «Словом» и «Задонщиной», но я не буду развивать эту тему.

на нее в качестве весомого аргумента в дискуссиях о «Слове», причем аргумента и для защитников, и для «скептиков».

Ведь и из слов Кинана вытекает, что «оссиановские» мотивы встретили бы у российской читающей публики восторженный прием. Этот факт отсутствия малейших упоминаний о «Задонщине» гораздо более важен, чем «таинственное молчание» Добровского, о котором рассуждает Кинан. Для защитников подлинности слова данное обстоятельство служит одним из самых весомых доводов, но гарвардский славист упоминает о нем на более чем 500 страницах своей книги всего однажды. Комментируя вопрос Г. Н. Моисеевой, почему Добровский, который, как она верит, видел рукопись «Слова», молчал об этом в течении семи лет, Кинан удивляется, почему он также не упоминает ни «Задонщины», ни «Сказания о Мамаевом побоище», которые чешский ученый «должен был видеть».

Автор рецензируемой монографии далее утверждает, что «несомненно... несколько версий “Сказания” и “Задонщины” были широко известны в ученых кругах в 1813 г. и даже ранее» (Р. 408). Такое утверждение правдиво только наполовину. Так можно было бы сказать в отношении «Сказания», хотя оно и было выделено как особый текст только в 1824 г. К. Ф. Калайдовичем (Р. 408, примечание 33). Но это неверно в отношении «Задонщины». Конечно, рукописи «Задонщины» существовали в конце XVIII века, более того, по идее, их не могли обнаружить позже. Однако не существует никаких доказательств использования кем-либо, в том числе и Добровским, «Задонщины» до 1853 года.

Кинан представляется верным последователем школы Р. Коллингвуда, помещая себя в круг исторических персонажей и затем размышляя, почему они делали то, что делали. Конечно, это обычная практика, но примечательно, что в данном случае Кинан пытается поставить себя на место человека, которого считает лгуном. Кинан настолько убежден, что первоначальной рукописи «Слова» никогда не существовало, что он пишет, даже не делая оговорок, что высказывает мнение или гипотезу, будто бы «Калайдович прекрасно знал, что никогда и в глаза не видел никакой древней копии “Слова”», и то же самое говорит об А. Ф. Малиновском (Р. 59), совершенно не обращая внимания на то, что они сами об этом писали.

Придумывание чужих мотивов и поступков становится особенно очевидным при обращении к фигуре Добровского. Говоря о сложности текста «Слова», Кинан приходит к выводу, что «он не был набросан за один вечер — пусть даже сверхсумасшедший вечер» (Р. 370). Поэтому ученый отказывается от своей высказанной ранее точки зрения, что текст «Слова» «был написан для развлечения за короткий промежуток времени» (Р. 396).

Добровский якобы, написав первую версию «Слова», вовсе не собирался ничего публиковать. Неизвестно, как этот текст попал в руки Елагина. Неясно, как так называемые «фрагменты Малиновского» оказались в руках у Малиновского, если, по Кинану, они были, «по всей вероятности», написаны Добровским в Праге. Автор рецензируемой монографии решительно утверждает, что Малиновский «слил две группы фрагментов (возможно, на основе признаков оригиналов)» (Р. 420), хотя именно Малиновский под пером Кинана выглядит наименее квалифицированным для подобной операции⁴⁶, и мимоходом вставил разъяснения, которые отражали методы Малиновского по работе с текстом — вся эта история есть чистое изобретение Кинана. Он утверждает, что студенты Добровского или его русские

⁴⁶ О. Страхова обвиняет Кинана в противоречии: если Добровский написал некий текст, состоявший из его заметок и «фрагментов Малиновского», то кто же тогда составил полный текст «Слова»? См.: *Strakhov O. A New Book on the Origin of the Igor' Tale...* P. 205, примечание 6.

контакты уничтожили следы, которые могли бы указать на чешского слависта как автора «Слова». Ученый считает «неясным», знал ли Добровский о том, что происходило в России после того, как он передал или послал Елагину свои краткие наброски и вплоть до публикации «Слова» в 1800 году. Удивление Добровского, когда он узнал, что текст «Слова» опубликован, было огромным, но его поведение, как утверждает Кинан,

«нетрудно было объяснить, учитывая его надежды на всемирно-историческую миссию России, его низкое мнение о русской филологической науке, и его убежденность, что, будучи основанным на “Задонщине”, текст “Слова” в каком-то смысле является подлинным — он не видел в его публикации никакого риска, и в то же время увидел выгоду для Славянского возрождения, и все это обусловило молчание Добровского».

И он был неискренен, когда вставал вопрос о подлинности данного памятника (Р. 421). Сегодня трудно поверить, пишет Кинан, что Добровский: «действительно мог *забыть* (курсив Э. Кинана. — Ч. Г.), что он 15 лет назад набросал какие-то фрагменты, имитирующие древнерусский текст, в минуту веселья во время его пребывания в России». Такой вывод не может быть исключен из-за душевной болезни Добровского (Р. 421, примечание 8). Он не подделывал «Слова», он просто сочинил несколько безобидных пассажей, имитирующих «Задонщину», следуя моде эпохи, когда «фальсификации, имитации, “организованные” открытия памятников старины всех типов были обыкновенным делом» (Р. 424).

Кинан утверждает, что он сам иногда не распознавал свои собственные работы, но еще более вероятно, что Добровский «играл в шарады, руководствуясь какими-то собственными резонами» (Р. 428).

Кинан также приписывает свое мышление слависту Роману Якобсону, утверждая, будто бы Якобсон «подсознательно» интерпретировал «Слова» на базе своих пространных знаний о чешской литературе (ср. Р. 264, примечание 451; Р. 337, примечание 873; Р. 349, примечание 934; Р. 384, примечание 1107). Кинан цитирует фрагмент из высказывания Якобсона, что, может быть, подделки Ганки стимулировали развитие чешской литературы (Р. 433–434), и затем задается вопросом, не имел ли в виду (умышленно или неумышленно) Якобсон, высказывая эту мысль, «Слова о полку Игореве»? Каким образом выдающийся лингвист, как ему приписывает Кинан, мог «подсознательно» использовать знание чешского языка и литературы для осознания того, что перед ним подделка под древнерусский текст XII века, хотя при этом он был одним из наиболее ревностных защитников подлинности поэмы?

Возвратимся к Добровскому. Кинан согласен, что «Слова о полку Игореве» сыграло в развитии русской литературы огромную роль. Он оценивает текст как «оригинальное и влиятельное сочинение в области панславянского оссианизма», и заканчивает свою монографию следующей сентенцией: «Эта блестящая мистификация была создана выдающимся славистом своего времени, в чем было некоторое неудобство — и, в конце концов, ему хватило порядочности держать этот секрет при себе» (Р. 434).

Теперь я начинаю комментировать непостижимые логические противоречия Кинана⁴⁷. Пассажи в конце книги, что Добровский сочинил только несколько «безобидных фрагментов», кажутся отражением более ранних высказываний Кинана, от которых он отказался, что текст был краткосрочной «диверсией» в противоположность гипотезе о «долгоиграющем» проекте, только начатом в России и затем продолженным в Праге. Возможно, Кинан считает вероятными оба варианта, а также одновременно допускает, что Добровский писал

⁴⁷ О. Страхова в целом находит построения Кинана противоречивыми, см.: *Strakhov O. A New Book on the Origin of the Igor' Tale...* Р. 205, примечание 6. — См. также предыдущую сноску

«Слово» в нормальном или безумном состоянии, или забыл, что он написал такой текст — опять-таки, забыл из-за того, что был безумен или совершенно нормален, но «лицемерен». В любом случае, Кинан оставляет огромные промежутки в цепи событий, как, по его мнению, создавалось «Слово», при этом как в отношении многих реконструируемых эпизодов, так и в отношении лакун ему не хватает и свидетельств, и гипотез. Короче говоря, концепция Кинана прискорбно неполна.

Также я обращаю внимание читателей, что первоначальная весьма низкая эстетическая оценка Кинаном «текстологической загадки» под названием «Слово о полку Игореве» в конце книги сменяется его определением как «блестящей мистификации».

Кинан приписывает Добровскому столь самоуверенное, если не сказать циничное, поведение, потому что никто в конце XVIII — начале XIX в. не смог бы разоблачить подделку. Однако это не так: сам же Кинан упоминает, что Добровский забраковал подделку «под древний чешский», сделанную его студентами, и в России в то же время был разоблачен знаменитый фальсификатор Бардин. Да, в то время было много случаев подделок, но настоящие ученые, хотя иногда и «дуррачились», никогда не были благосклонны к фальсификатам. Трудно отрицать, что Добровский нарушил бы собственные стандарты чести и научной этики, если бы он позволил изготовленной им подделке приобрести статус подлинника, да еще и энергично защищал бы публично аутентичность данного памятника.

В устных беседах и Матейка, и Томпсон защищали доброе имя Добровского, хотя Матейка и был согласен с мнением Кинана о поддельности «Слова»⁴⁸. Максимальное применение обратно-интуитивной логики — неуместная и «снисходительная» похвала Кинана Добровскому, сделанная для соблюдения «приличий», чтобы утаить его полезное мошенничество, приводит к обратному результату, который подтверждается отсутствием малейших свидетельств, что Добровский имеет отношение к написанию «Слова».

Применение методологических стандартов самого Кинана к гипотезе о Добровском — авторе «Слова» приводит к выводам, неблагоприятным для автора рецензируемой книги:

- ♦ не существует ни одного отрывка текста, аналогичного «фрагментам Малиновского», содержащего цитаты из «Слова» и принадлежащего руке Добровского;
- ♦ Добровский никогда не упоминал о «Слове» и не цитировал его в своих публикациях или публичных выступлениях до публикации этого памятника в 1800 году;
- ♦ следовательно, Добровский не подозревал о существовании «Слова» до его публикации.

Кинан же объясняет отсутствие прямых свидетельств об авторстве Добровского тайным сговором и лживостью его участников, и компенсирует отсутствие доказательств спекулятивными рассуждениями.

В своем исследовании Переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского Кинан предположил, что князь Семен Шаховской был подлинным автором текста, известного под названием Первого послания Курбского Грозному, хотя позже Кинан и изменил свое мнение об условиях его возникновения, решив, что перед нами подлинное письмо Шаховского царю Михаилу Федоровичу, но замаскированное под апокриф, художественное произведение, так же и в нашем случае Кинан изменил свою гипотезу о происхождении «Слова», перейдя от теории «краткосрочной диверсии» к версии о долгосрочном поэтапном создании памят-

⁴⁸ Г. Агнев признает все аргументы Кинана, касающиеся Добровского. Агнев — специалист в чешской истории нового времени. См.: *Agnew H. Josef Dobrovsky. Enlightened Hyper-Critic or Pre-Romantic Forger? // Křitika. 2005. Vol. 6. Nr. 4. P. 845–855.*

ника. Но в первом случае, с Шаховским, ученый переатрибутирует только первое письмо из целого эпистолярного комплекса, остальные послания, по его мнению, были написаны другими людьми. Авторство Шаховского, независимо от его мотивов, не является ключевым для доказательства гипотезы Кинана о подложности переписки Грозного с Курбским, которая в основном базируется на текстологическом и контекстуальном анализе. В нашем же случае Кинан имеет дело с единичным текстом, и поэтому вопрос об авторстве гораздо более важен. Кинан говорил о Шаховском как о наиболее вероятном из нескольких возможных претендентов на роль создателя Первого послания к царю.

Однако, если верить Кинану, в XVIII в. Добровский был вообще *единственным* человеком, который мог бы написать «Слово» (Р. 125), поскольку все другие возможные кандидаты, и из России, и из Чехии не имели соответствующей лингвистической подготовки (Р. 60) и доступа к «Задонщине» (Р. 62). Если Добровский не является автором «Слова», то к построению Кинана применима общезвестная поговорка о лодке без весла, поскольку у гарвардского ученого нет других претендентов на эту роль. Если Добровский не писал этого текста и, по собственному утверждению Кинана, никто в конце XVIII в. не мог этого сделать, тогда текст, как и замечали некоторые критики построений Кинана, является подлинным, что не соответствует выводам гарвардского слависта. Вопрос об авторстве «Слова», таким образом, не просто оказывается более важным по сравнению с Перепиской Грозного с Курбским — он является ключевым.

Значение указания Кинана на Добровского как на автора «Слова» еще более велико. Если мы бракуем его кандидатуру — поскольку его авторство невозможно подтвердить ясными свидетельствами, и потому что он не может быть тайным автором «Слова» в силу своей научной честности — тогда исчезает мотив искать в «Слове» богемизмы. Никакой восточнославянский автор — будь то русский, украинец или белорус — в Российской империи не стал бы писать текст с использованием богемизмов. Если Добровский развенчан как автор «Слова», тогда нет оснований для написания большей части монографии Кинана, поскольку она строится именно на выявлении богемизмов.

В 1998 г. Кинан отметил, что он надеялся еще в 1985, затем в 1990 годах, что дебаты вокруг его первой книги о Переписке Грозного с Курбским так или иначе поутихли⁴⁹. Теперь же он напыщенно заявляет, что потребуются смена поколений, чтобы удалить последствия веры в подлинность «Слова о полку Игореве» из академической литературы (Р. 433). Если Кинан считает, будто его монография способна запустить этот процесс, то его самонадеянность значительно превышает его проницательность в предсказании судьбы своего труда⁵⁰.

⁴⁹ Keenan E. Response to Halperin, «Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence in Hindsight» // JGO. 1998. Bd. 46. P. 404.

⁵⁰ Признаком того, что Кинан потерпел неудачу, являются оценки критиков. О. Страхова отметила, что монография Кинана оказывается более успешной в качестве книги для чтения, исторической беллетристики, чем ученого труда (Strakhov O. A New Book on the Origin of the Igor' Tale... P. 238). А. А. Зализняк скептически отнесся к «фантазиям» Кинана и заметил, что эрудиция и энергия гарвардского ученого в данном случае не произвели надежных результатов. Книга Кинана читается как «монологическое заявление», в котором односторонне представлены только тезисы автора, а все противники его идей объявлены «фанатиками», чьи идеалы не заслуживают никакого уважения (Зализняк А. А. Указ. соч. С. 281, 310, 273–274).